

— Мне нужно идти. Давай поужинаем вместе, когда у нас будет время. И, Анастасия, я часто молюсь о твоём выздоровлении.

Герцог поднялся на ноги. Не могу поверить, что он бросает меня вот так.

Я решила немного взбунтоваться.

— Вы беспокоитесь обо мне? Или это из-за Аделя?

Когда я спросила, зачем ему понадобилось моё выздоровление, Герцог широко улыбнулся.

— Конечно, я беспокоюсь за тебя. Дочь Уолла – моя дочь. Ты знаешь, как мне было больно, когда ты в последний раз заявила, что не собираешься навещать дом Герцога в будущем?

Он сказал эти слова с любовью. Я мягко извинилась.

— Простите.

В этот момент мятежный ребёнок внутри меня умер.

— ...Я рад, что ты помирилась с Аделем. На самом деле я сильно волновался. Адель редко ладит с людьми. Они же сближаются с ним только потому, что он добрый и дружелюбный. Он никогда не говорит мне, о чём думает.

Герцог пролил немного слёз. Только теперь, я, кажется, хоть немного поняла его.

Адель был добрым, нежным и вежливым, потому что Герцогская пара постоянно учила его этому, а не потому, что он был таким с самого начала.

Адель был просто послушным ребёнком.

Так что никто не знал, о чём он на самом деле думает.

Действительно ли он любит помогать людям с благородным сердцем или нет?

Мне вдруг стало любопытно.

— Адель когда-нибудь сердился на вас, Герцог?

— Никогда. Ни разу.

Герцог пожал плечами.

— Вот почему я боюсь того, что у него внутри.

Я моргнула. Герцог слегка улыбнулся.

— Я был слишком серьёзен?

— Нет.

Герцог уже собирался уходить, поэтому я встала. Он нежно погладил меня по голове.

— Спасибо, что выслушала меня. Ты одинока, потому что твоя семья ушла? Отныне я буду чаще навещать дом Графа.

А-а?

— Вы не обязаны этого делать...

— Ну, как крёстный отец, это само собой разумеется. Кроме того, у меня есть для тебя подарок. Это чайный сервиз, о котором мечтала даже Императорская семья. Это было то, чего Пенелопа так хотела при жизни, но, по иронии судьбы, она не заполучила его до самой смерти. Он мне больше не нужен. Он слишком дорогой для Королевской семьи, но как подарок для моей дочери вполне подойдёт. Тебе не нужно ни о чём беспокоиться.

Насколько я знала, это был очень дорогой подарок.

Даже для Герцога, у которого, по слухам, было больше денег, чем в Императорской казне, это едва ли стоило многих лет тяжёлой работы.

— Н-не стоит...

Герцог даже не слушал меня.

— Садись. Я позову Аделя.

Герцог вышел, а я, пошатываясь, опустилась на диван.

Ничего себе! Я не думала что от отца Аделя у меня начнёт так сильно болеть голова!

Я начала есть шоколад, чтобы снять стресс.

Адель вернулся примерно через десять минут, то ли он был довольно далеко, то ли разговаривал отдельно с Герцогом.

— Вы разговаривали довольно долго. Всё в порядке?

У меня отвисла челюсть.

— С возвращением. Да, всё в порядке.

Это было двусмысленно, но Адель ничего не сказал.

— Понятно, ну, думаю, вы с ним довольно похожи.

— Пф-ф.

Я чуть не расхохоталась, но Адель, казалось, ничего не заметил.

— Когда они сражались за право собственности на недавно открытый алмазный рудник, я слышал, как Маркиз поругался с моим отцом.

— Ты имеешь в виду Маркиза Клода?

Я прикрыла губы тыльной стороной ладони. Конечно, это отец злодея. Маркиз Клод славился своим грязным нравом. Более того, он был одержим сражением с Герцогом.

С Герцогом тоже было нелегко вести дела.

— Да. Эш, с которым мы познакомились на фестивале Небесных фонарей несколько дней назад, является его прямым потомком. Я думаю, что Чичимеме* состоится через 15 дней. Только дворяне, которые не провели церемонию, смогут присутствовать там, так что наследник Маркиза приедет...

(*Я думаю, что это термин, придуманный автором.)

Чичимеме была вечеринкой для несовершеннолетних детей аристократических семей, и происхождение её было немного суровым и запоминающимся.

Во всяком случае, это было похоже на бал, так что мы сможем наслаждаться им.

Нам не нужно беспокоиться о простых людях в тот день, потому что он проходил в местах, к которым они даже не могли приблизиться.

Я могла просто не обращать внимания на Эша, а Ольга, сама того не ведая, была не из тех, кто наслаждается такой вечеринкой.

Я спросила Аделя, потому что я тоже собиралась туда пойти:

— А как же ты, Адель? Если ты идёшь, почему бы тебе не стать моим партнёром?

— А ты не против?

Я снова стала немного игривой и сказала:

— Если ты хочешь пойти с кем-то другим, я уступлю.

Конечно же, Адель повернулся ко мне с серьёзным выражением лица.

— Я хочу пойти с тобой, Анастасия.

— Ты такой страстный.

Я была внутренне горда за него. Я боялась, что Адель будет вести себя пассивно, но нет.

Он успокоил меня твёрдым голосом.

— Я никогда не позволю, чтобы то же самое случилось и на этот раз. И даже если что-то подобное повторится...

Внезапно его красные глаза слабо блеснули.

Нет, я что-то не так поняла?

— Я не собираюсь оставлять тебя.

— Д-да.

Адель тихо закончил свою речь, и я рассеянно кивнула.

Это... что-то другое, чем обычно? Или я надела цветные очки*, потому что прислушивалась к словам Герцога?

(*Идиома, означающая взгляд на вещи с предвзятой точки зрения или что-то в этом роде.)

Я чуть не издала мучительный звук. Герцог Фридрих, должно быть, оценил, что Адель не обладал гуманностью и научился доброжелательности, основываясь на некотором опыте и разуме, но мне было трудно согласиться с этим.

Золотая волна голоса Аделя содержала боль, вину и нежность ко мне. Он посмотрел на меня вежливо и грациозно.

— Когда тебя стошнило кровью прямо передо мной и ты утешила меня, даже если при этом ты дрожала так, как будто вот-вот умрёшь, я понял, как ты мне дорога. Как ничтожны другие люди по сравнению с ними.

Моё сердце бешено заколотилось, хотя я прекрасно понимала, что на самом деле он имел в виду совсем другое.

— Прости. Ты, должно быть, сильно расстроился.

— Это не твоя вина. Это я виноват. И я должен это исправить.

Я с любопытством приподняла брови.

— Исправить? Как? – спросила я нарочно легкомысленно, чтобы узнать, о чём он думает.

На лице Аделя появилась лёгкая улыбка.

— Ты пытаешься стать плохим человеком, который никому не помогает?

— Если я стану плохим человеком, Анастасия возненавидит меня, да?

Я отвергла его детский вопрос.

— Этого не может быть.

— Неужели? Ты можешь мне это пообещать?

Почему-то на этот раз Адель был немного более настойчив. Я облегчила его беспокойство.

— Я обещаю, что не буду ненавидеть тебя, даже если ты станешь плохим человеком.

И тут Адель почувствовал облегчение.

— Я рад.

В отличие от расплывчатой улыбки, которая всегда украшала его красивое лицо, на этот раз на его лица расцвела ясная улыбка.

— Теперь я могу с лёгкостью выбрасывать мусор на улицу, – сказал Адель с игривым выражением лица.

Мне показалось, что ему стало гораздо лучше, и я сказала:

— Ах, так теперь ты будешь выбрасывать фантики на улице?

Ах, какая милота. Боже мой! Я хочу ущипнуть тебя!

— Я собираюсь сделать кое-что похуже, – застенчиво ответил Адель.

Внезапно меня охватило зловещее предчувствие.

— погоди, ты же не собираешься выбросить мой рисунок?

По моим ощущениям прошёл всего час или два, но солнце уже садилось, прежде чем я успела это осознать. Я пошла в столовую, притворяясь, что потрясена предложением Герцога поужинать вместе.

Столовая Герцога Магнуса, которая могла похвастаться своим великолепием, напоминала часовню.

Золотые подсвечники, статуи святых и фрески Богов, наслаждающихся таинством, украшали комнату.

Я чувствовала, что у меня будет расстройство желудка из-за этой жёсткой атмосферы. Она сильно отличалась от столовой Графа, которая излучала уют.

Герцог пришёл первым и уже ждал нас. Он усадил нас с Аделем напротив себя и сказал с

довольным видом:

— Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я ел с тобой.

Я недовольно оглядела стол. Тут было много зелёного, пурпурного и красного. Короче говоря, овощей.

Свежие, хрустящие и безвкусные овощи. Единственной жирной пищей на столе был бифштекс.

— Сегодня повара приготовили для Анастасии здоровую пищу...

Я сразу же взяла бифштекс. Как только я с энтузиазмом принялась за еду, обрызгав её острым соусом и перцем, мои глаза встретились с глазами Герцога.

— Хм-м?

— А?

Мы посмотрели друг на друга и склонили головы. Герцог уставился на мой бифштекс.

— Анастасия, мне кажется, ты использовала слишком много специй.

Я без ума от сладкой, солёной, острой и пряной пищи. Герцог нахмурился, когда я спокойно сказала:

— Но мне нравится есть вот так.

— Боюсь, твой вкус в еде начинает напоминать вкус Уолла.

Я хихикнула.

— Папа часто пишет вам, да?

— Ну, так и есть. Когда я найду и доставлю ему информацию о очередном лекарстве, Уилл лично отправляется туда, чтобы получить его. Я слышал, что они нашли хорошее лекарство, но достать его очень сложно.

Адель всё ещё прислушивался к нашему разговору. Я была очень удивлена, потому что не знала, что Герцог так сильно заботится обо мне.

— Простите, что беспокою вас, Герцог.

Герцог тихо произнёс:

— Не расстраивайся. Я просто беспокоюсь о тебе. Уолл не хотел, чтобы ты знала об этом, поэтому, пожалуйста, не говори ему.

— Хорошо.

Я не смогла удержаться от смеха из-за своего отца.

Отец Анастасии, Граф Уильям Синклер, славился своей красотой. Он не был красивым, но был симпатичен. Он был очень хорош собой.

Когда какой-то поэт увидел моего отца, он сказал: "Ты как ветка сакуры, цветущая в лунном свете". И он избил того поэта.

У моего отца была чистая белая кожа, мягкие черты лица и ослепительно прозрачные серебристые волосы. Он был всего лишь выше 170 см ростом, поэтому его часто принимали за женщину.

Герцог каждый раз дразнил за это моего отца, как и другие дворяне.

В частности, благодаря нападкам Герцога, мой отец стал достаточно раздражительным, чтобы ударять его каждый раз при встрече.

Это было немного удивительно, наблюдать как Граф бьёт Герцога.

<http://tl.rulate.ru/book/50319/1363329>